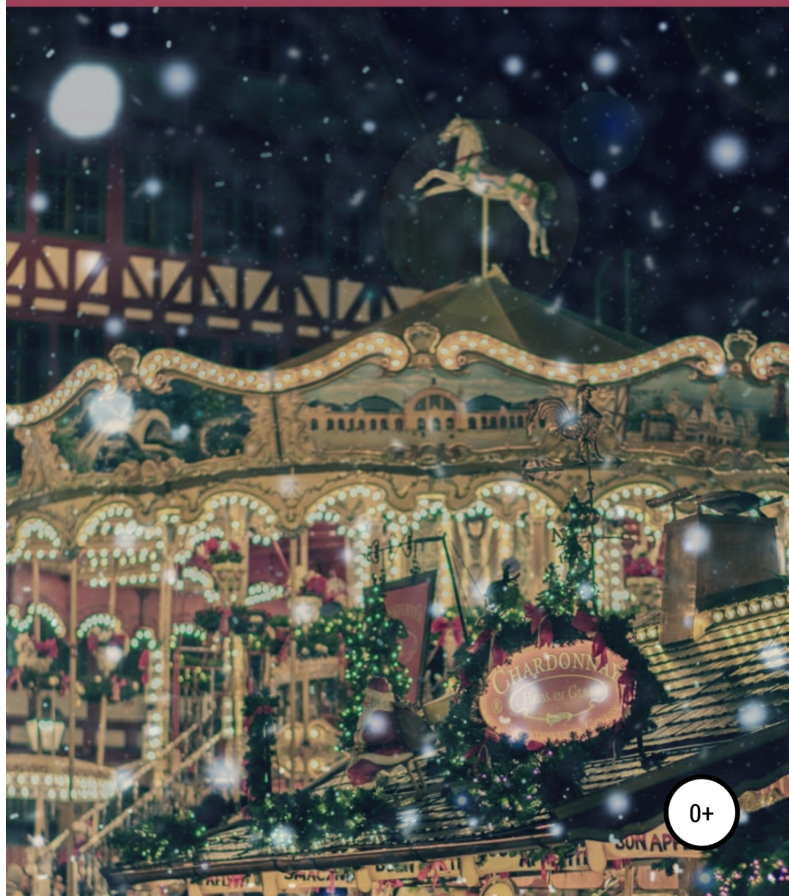

Кравец Алёна

Клубника в шоколаде

0+

Алёна Вячеславовна Кравец Клубника в шоколаде

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63443462

SelfPub; 2021

Аннотация

Сочельник, за окном опускаются пушистые снежные хлопья, а в камине потрескивают поленья. Маленький Никки хочет сделать особенный подарок маме на это Рождество, но путь к нему оказался не так то прост. Заснеженный город, полный сюрпризов, раскрывает ему свои объятия!

Алёна Кравец

Клубника в шоколаде

Клубника в шоколаде.

Тихо позвякивали спицы в руках пухлой и тёплой няни Пэтти. Толстый коричневый чулок тянулся от проворных шершавых ладоней, по накрахмаленному переднику, через колено и спускался почти до пола. На какие длинные ноги нужны такие чулки?... Может, няня стала вязать на заказ для городского зоопарка? Жирафам, наверное, холодно зимними вечерами, уже неделю стоят морозы и падает густой, пушистый снег. А видели жирафы снег?.. Может, они даже пробовали его, высунули головы в окно и ловят щекотные хлопья своими бархатными губами?..

Так думал Ник, рассеянно катая по ковру красную лакированную машинку. Они недавно пообедали, мама наскоро выпила чашку бульона с пирогом, поцеловала его в макушку и снова убежала наверх, к Лиззи. Маленькая сестрёнка болела уже несколько дней, у неё была температура, и мама почти всё время сидела в детской, читала ей книжки и баюкала на руках. Сегодня Рождество, а мама устала, и мало спит. Но он её обрадует! Ведь больше всего на свете мама любит клубнику в шоколаде.

Конечно, ещё ей нравится пить чай, маленькой ложечкой зачерпывая из вазочки варенье из розовых лепестков. И нравится, когда все дома, в гостиной, играют, читают и разговаривают. И ходить в театр. Но Ник же не может сводить маму в театр на Рождество: туда детей не пускают, и где театр находится он не знает, и за Лиззи надо ухаживать как следует, чтобы она поскорее поправилась. А клубнику в шоколаде он может!

Ник накопил целых 8 фунтов, с утра перевязал монетки носовым платком, чтобы не гремели по дороге, и спрятал своё сокровище в карман пальто. Сейчас чуть больше трёх, Пэтти допивает вторую чашку чая с кексом, и всё медленнее постукивают спицы в её руках. Скоро она, как обычно, задремлет в своём кресле, папа вернётся с работы не раньше 6, а мама наверху. За углом, у французской кофейни, где иногда они покупают эклеры и печенье, есть остановка. Если сесть на ней в большой красный автобус, проехать минут 10 и выйти у жутковатой на вид церкви с высокими острыми шпилями и крестами, а потом свернуть на ближайшем перекрестке направо – будет улица, ведущая к парку. А на ней магазин с конфетами, вареньями и конфитюром. На розовые лепестки 8-ми фунтов, наверное, не хватит, а вот клубника стоит чуть больше 6, и можно будет купить ещё яркий полосатый леденец на сдачу. Дерзкий план был составлен доско-

нально, оставалось только дожидаться мирного сопения няни. А пока Ник усердно делал вид, что увлечён игрой и ничегошеньки не замышляет, ровным счётом ни-че-го. И нервничал. И слушал. И выжидал.

В углу гостиной уже стояла нарядно украшенная Рождественская ёлка. В воскресенье они все вместе вешали на неё конфеты с черносливом, мелкие сладкие мандарины, блестящие снежинки и сосульки, вырезанных из открыток ангелов и снеговиков, серпантин и кучу другой яркой, праздничной чепухи. А под ёлкой бугрилась белая простыня. Ник подглядел, как вчера папа что-то запихивал под неё и тихонько ругался под нос, потому что места на всё не хватало, а еловая лапа норовила залезть в нос и кололась.

Папа был строгий. Но добрый, и очень, очень умный! Он всегда всё знал, и как слоны обнимают друг друга хоботами, и почему звёзды не падают, и зачем Ник поставил подножку Мари на горке, и как лечить ссадины после падения с дерева, в общем всё, о чём бы ни спросил его сын, он знал. А когда малышка Лиззи шлёпала его крохотными ладошками по щекам и улыбалась, папа заливался краской и хохотал, как будто сам ещё был ребёнком. Но брат ничуть не ревновал, нет! Мама часто рассказывала, что папа так же хохотал раньше, когда маленький ещё Ник дёргал его за усы.

Мама... Она у них нежная, и очень ласковая. Всегда пахнет молоком, и ванилью, и клубничным мылом. И знает миллион разных игр, шумных и тихих, но очень интересных, а может и миллиард, или даже больше, таких чисел Ник и не знает. А сейчас мама грустная и уставшая, потому что Лиззи болеет. Но клубника обязательно её обрадует!

Ник поднял голову от ковра и карие глаза его засияли – спит! Пора! Мальчик мышкой выскочил в коридор, нахлобучил на непослушные волосы шапку, накинул на шею шарф, проверил – на месте ли копилка? Жестяная коробочка из-под леденцов, с ярким индийским слоном на крышке, лежала во внутреннем кармане, поближе к сердцу. Варезжки в зубы, ноги в сапожки – и бегом, пока никто не успел ему помешать. Пара мелких монет в кармашке снаружи, если контролёр потребует оплатить проезд. Меньше чем через час мальчик планировал вернуться, а если спросят, куда пропал – соврать, что выходил во двор, проверить, работают ли гирлянды на балконе, или слепить снежную бабу под окнами Лиззи, или ещё что. То-то мама удивится, найдя под елкой в полночь любимое лакомство!

На ходу застегивая пуговицы, Ник бросился к остановке. Высокий красный автобус уже приближался к перекрестку с другой стороны, они повернули одновременно, мальчик рванул вперёд и вскочил за группой шумных школьников на по-

следнюю площадку. Внутри было тесновато и жарко, окна запотели, а люди радостно переговаривались и толкались набитыми сумками. Все предвкушали праздник, подарки и вкусные кушанья. Кондуктор сидела на своём кресле, румяная и растрёпанная, и только улыбалась пассажирам – протиснуться сквозь толпу, чтобы собрать деньги за проезд, было решительно невозможно, как и перекричать многоголосый гомон десятков восторженных голосов.

Первая остановка. Из автобуса медленно вышла седая хрупкая старушка, бережно прижимая к груди огромную коробку сахарного печенья. А сразу за ней зашли четверо мужчин, таких пузатых, что двери за ними едва закрылись. От них пахло чем-то горьковатым и щекотным, лица их покраснелись, а голоса были хриплыми и чересчур громкими. Зато рядом с ними никто не замечал маленького Ника, которому, вообще-то, не положено было в его возрасте кататься на автобусе без родителей.

Вторая остановка. Из передних дверей кто-то вышел, и кто-то зашел, но на задней площадке все только покрепче взялись за поручни перед отправлением. За мутными стеклами начали появляться яркие пятна – на улицах загорались огни. Начинались сумерки.

Третья! Едва автобус затормозил, Ник ужом просочил-

ся между животами и коленями шумных мужчин, юркнул в щёлку раскрывающихся дверей – и замер на тротуаре в нерешительности. Перед ним была грязная, серая стена абсолютно незнакомого дома. Несколько тяжелых дверей с пыльными стеклами, чугунные козырьки, и ни одной вывески. Мальчик посмотрел направо – длинная однообразная улица упиралась в такой же серый дом и расходилась в обе стороны, в неизвестность. Налево – ещё один перекресток, какой-то крохотный сквер и замерзший фонтан. В этот момент автобус поглотил последних пассажиров, закрыл яркие красные дверцы и рванул из этого недружелюбного квартала куда подальше. Ник остался на остановке совсем один.

Откуда было знать маленькому мальчику, что мимо его дома проходит с десятков разных маршрутов, и далеко не каждый из них едет к парку? Они часто гуляли с семьёй по бульвару у дома, или ходили в гости к бабушке с дедушкой на соседнюю улицу, или ездили нарядные в настоящем экипаже на званый ужин, или отправлялись на красном автобусе в парк. А других районов города Ник не знал.

Ночь медленно опускалась на скучный переулок. В окнах домов кое-где загорелись огни, и они как будто стали теплее и дружелюбнее, но всё ещё были чужими. Снег медленно покрывал дорогу, покрывал собой плечи и шапку, норовил приземлиться на ресницы. Ник со всей силы сжал кулачки,

тряхнул упрямо головой и потопал к фонтану. Вдруг этот сквер – отдаленная часть парка? Тогда он сразу найдёт дорожку к дому, уж парк-то он знает наизусть!

Но нет. Двухэтажный желтый дом, светящийся каждым окошком, обогнул небольшую площадь, словно удав, в центре росло несколько елей и дубов, дорожки обрамляла подстриженная живая изгородь. Заметённый большим сугробом фонтан в центре казался заснеженной горой. И вокруг – тишина. Ни прохожего, ни гуляющих детей, даже нет ни одной цепочки следов на свежем снегу между тёмными стволами деревьев.

Ник снова огляделся. Возвращаться по серой улице не хотелось. Направо дорога круто поднималась на холм, а что там за ним – поди угадай. А слева, куда повернул коварный автобус, виднелись вдалеке яркие огни и слышалась музыка. Со всех ног он бросился к свету и людям. Там хотя бы не будет так страшно, как тут, одному!

Пробегая последние окна дома-змеи, Ник притормозил. Там, на невысоком первом этаже, сидела на подоконнике маленькая девочка, бледная и испуганная. В руках она сжимала какую-то мягкую игрушку, помесь зайца с кенгуру. Тугие растрепанные косички торчали в разные стороны, клетчатый шерстяной платок обматывал ей грудь и шею. Мальчишке

сразу вспомнилась Лиззи – вчера он навещал её, и у неё был такой же растерянный взгляд: она не очень понимала, почему ей так холодно, а мама не даёт закутаться, и явно переживает. Может, эта девочка тоже болеет?.. А рядом с ней никого не видно, её мама ушла куда-то?.. Надолго ли? И когда вернётся?

Ник утёр нос варежкой, решительно развернулся и бросился наискосок, к чистому снегу у подножия пушистой елочки. 5 минут уже ничего не изменяет, ведь так?.. Пара отчаянно кривых веточек нашлась в гуще живой изгороди. На ней же росли незнакомые мелкие ягоды. Они сморщились от мороза и покрылись инеем, но весьма подходили для дела.

Рррраз – смести побольше снега в одну кучу, так удобнее. Двааа – мелкий комок даже катать не надо, снежка размером с ладони достаточно. Тррри – ещё комок, побольше, утрамбовать получше. Через пару минут перед мальчиком был коротенький, коренастый снеговичок, с глазками-ягодками, ручками-палочками и кривой деревянной ухмылкой. Ник уже хотел бежать обратно, но тут на глаза ему попала – вот удача! – крохотная шишечка. Он водрузил её сверху, вместо колпачка, бережно поднял фигурку и так же аккуратно опустил её на жестяной подоконник. Пришлось встать на цыпочки, да ещё упереться лбом в стену, и в слепую пристраивать снеговика на уступ, но всё получилось. Отошёл на

пару шагов, улыбнулся довольно, помахал ладошкой. Девочка прилипла носиком к стеклу, щеки её покрылись румянцем, она оторопело махала в ответ и улыбалась. Вот теперь можно бежать – и Ник припустил по тротуару к яркому забору в конце улицы. Желтый силуэт детской больницы быстро скрылся из вида.

Высокая стена строгого здания с колоннами и огромными окнами повернула, и Ник с разбегу вылетел на широкую площадь, такую шумную и яркую, что пришлось на секунду прикрыть глаза руками, чтобы прийти в себя.

Это была ярмарка. Десятки деревянных домиков, увешанных гирляндами и еловыми венками, выстроились в два ряда. Один из них зазывал к себе людей горячим пуншем, пирожками и шоколадом. Другой пестрел всевозможными игрушками, елочными шарами, вязаными варежками и шапками, ярко-красными колпаками с помпонами, и свистульками, и ещё кучей других разноцветных сокровищ. Между ними сновали румяные люди, что-то покупали, торговались, пробовали, делились, угощали, дарили, обнимались, целовались и хохотали. А над их головами сияла и переливалась огромная карусель! В два яруса колесили по кругу лошадки с золотыми сбруями и перьями, диковинные изумрудные драконы, золотистые верблюды с коврами вместо сёдел, маленькие разукрашенные колесницы, и даже огненно-рыжие

птицы. Под звуки шарманки они плыли друг за другом, покачиваясь, и носили на себе маленьких всадников и всадниц, счастливее которых и быть не могло в этот праздничный вечер.

Карусель манила и звала, и не было сил у мальчишки уйти, оторвать взгляд от её великолепия. Он стоял и стоял у ограды, раскрыв рот, а толпа сносила его то вправо, то влево, и он передвигался, вцепившись в низкий заборчик обеими руками, чтобы не унесло куда подальше. И вот людской поток подтолкнул его прямо к калитке, за которой высокий зазывала в ярком колпаке собирал деньги за аттракцион и подсаживал маленьких детей на лошадок. Очередь всё приближалась, а Ник оторопел окончательно, и только покорно переставлял ноги в такт. Вот между ним и каруселью остался всего один мальчишка, и билетер уже готовился повернуть голову в его сторону.

-Сколько с меня? – спросил парень впереди.

-5 шиллингов! – ответил мужчина и широко улыбнулся в густые усы.

Ник, не веря своему счастью, нащупал монетки в кармане. Как раз! Он откладывал их на дорогу, но плату в автобусе не взяли, и вот он – знак судьбы! Больше не сомневаясь ни

секунды, он ссыпал мелочь в протянутую широкую ладонь. Проворно поднялся по ступеням на второй этаж, шагнул на крутящуюся платформу и вскарабкался на серебристо-серого коня с чёрным плюмажем. Всё вокруг завертелось, далёкие огни города слились в единый рой светлячков, скрипучая музыка окутала Ника, и он кружился, и хохотал, и болтал довольный ногами, вскидывал руки с победным кличем и показывал неизвестно кому язык. Но вот сквозь шарманку услышал он звон – где-то на башне пробили часы. Раз, два, три... Пять! Уже пять часов! Надо торопиться. Не без сожаления слез он со своего скакуна, сбежал по ступеням и снова нырнул в ярмарочную толпу.

Вокруг карусели кольцом стояли шатры и прилавки, в которых можно было бросать мяч, стрелять из винтовки по мишеням или ловить в огромном тазу юрких деревянных рыбок толстым крючком на веревке, и если справишься – получаешь приз, конфеты или игрушку, мишку, обезьянку, а может даже высокую куклу. Ник, искавший глазами выход из этого замкнутого круга, замер как вкопанный. Какая это была кукла! До чего мальчишкам интереснее обычно поезда и машины, а Ник не мог оторвать от неё глаз. Светлые блестящие волосы были закручены в тугие локоны, и два пышных банта по бокам поддерживали их. Огромные зелёные глаза смотрели весело и задорно из-под пушистых ресничек, а на румяных щеках были очаровательные ямочки. Нарядное бар-

хатное платье, тёмно-зеленое, с красной клеткой на карманах и белоснежным кружевом на воротничке, с пышной юбкой, чрезвычайно шло ей. А на ногах у куклы были настоящие кожаные башмачки, с бубенчиками и атласными лентами. Вот бы Лиззи подарить на Рождество такую куклу! Она бы сразу поправилась, только чтоб поскорее играть с ней целыми днями!

Ник тревожно огляделся по сторонам, затем подошёл поближе к прилавку. Здесь нужно было бросать тяжелый резиновый мяч в кегли. И, лишь сбив их все до единой три раза подряд, можно было рассчитывать на главный приз.

-Сколько стоит попробовать?

-Всего полфунта, малыш! Да ты навряд ли справишься, – со снисходительной ухмылкой ответил рыжий и конопатый юноша, беспечно облокотившийся на стену балагана.

Таких заявлений Ник не любил. Он, сбивающий снежком шапки с самых задиристых мальчишек! Он, ни разу не промахнувшийся мимо урны, как бы далеко не стоял! Брови сердито поползли на переносицу, а зубы сжались. Никто ещё не смел сомневаться в нем так открыто и нахально. Протиснувшись между домиками, Ник присел на корточки и тихонько достал из-за пазухи жестянку. 8 фунтов, а клубника стоит 6.

Но лучше подарка для Лиззи не сыскать во всём свете, тем более за полфунта! Такая кукла, небось, очень дорого стоит в магазине. А тут почти задаром... Попробовать? Но он и так потратил столько времени впустую... Надо бы бежать. Но куда? Где искать дорогу домой? И как горько будет вернуться с пустыми руками. А магазин с шоколадом он, может, уже и не найдет. Тогда хоть куклу? Он решительно выщепил увесистый фунт пальцами. Один раз, и всё.

Выпрямившись гордо, Никки подошел к прилавку. Протянул монету – «Одну попытку, пожалуйста», забрал сдачу и учтиво кивнул головой, всячески демонстрируя своё превосходство над наглым смотрителем.

На деревянные доски легли три упругих мяча, каждый размером с два его кулака. Рыжий усмехнулся, цокнул языком, сплюнул, и вынес из-за стойки грубо сколоченный табурет. Приставил его и кивнул – залазь, мол, иначе же не достанешь никак.

Ник вскарабкался на табурет, качнулся, уцепился пальцами за стойку. Теперь он хорошо видел мишень – три площадки, по 6 деревянных кегель на каждой, и все разноцветные, как леденцы. Взял первый шар, обеими руками, примерился к весу, и – казалось, неуклюже – толкнул его от груди. Мяч влетел в центр площадки, кегли разметало во все сто-

роны. Самодовольная ухмылка застыла на лице рыжего, как маска. Ник аккуратно спустился, переставил табурет чуть в сторону, выдохнул незаметно себе под ноги, и полез обратно. Следующая платформа была точно напротив, и он так же метнул в неё шар. Кегли посыпались на пол спелыми грушами. Опять спустился, подвинул табурет. Рыжий уже не облокачивался на стену, а весь вытянулся, как струна, сощурил глаза и ждал. Ник взял в руки последний мяч, подержал его на ладонях, чуть отставил ногу – и пошатнулся. Плотный снежный ком под табуретом рассыпался, мяч полетел вперёд и вниз, врезался в платформу и лишь качнул кегли, но не уронил их, а сам он шлёпнулся на спину вверх ногами, чем изрядно рассмешил прохожих, и больно ударился. Как обидно! Покрасневший, отряхивал он снег со штанов и прятал свою досаду в воротник, а, когда распрямылся, увидел опять насмешливый взгляд рыжего. Зазывала протягивал ему леденец на палочке как утешительный приз.

-Не нужно. Я хочу куклу. – припечатал Ник и положил на прилавок ещё полфунта.

Первый бросок. Успех! Второй. Кегли покатались в разные стороны, но одна, упрямая, шатнулась туда-сюда, чуть крутанулась, как неваляшка, и встала на месте. Рыжий ослабил ещё сильнее: «Куклы не будет. Дальше пробуешь?»

Ник снова спрятался между прилавками, и зло уставился на шершавые доски. Как глупо! Ужасно, бездарно, нелепо и глупо! Целый фунт потратил он впустую, и куклу не выиграл, и время потерял. Обида и злость душили его и жгли глаза. И тут он вспомнил...

Прошлой зимой они оставили крошку Лиззи с няней и впервые пошли втроём на каток. Там было так красиво! Пушистые ёлочки покрылись снежными шапками, огромная луна, яркая как фонарь, висела на тёмном небе, горело множество ламп, ходили лоточники с жареными каштанами и медовыми орехами. Папа бережно поддерживал маму за локоток, и они вместе кружили по льду, трепетно улыбаясь друг другу. А Ник стоял у бортика и глотал злые слёзы. Сначала мама и папа пытались научить его кататься, но он падал, а от этого скрипел зубами, и бил кулачками, и топал, и снова падал, так что они оставили его ненадолго, чтобы прокачаться вдвоём, а он мог немного успокоиться. Коленки Ника болели от падений, мокрые щеки обжигал мороз, но он видел, как хорошо родителям, и ярость его отступала, а на искусанных в кровь губах появилась слабая улыбка.

Тогда папа подъехал к нему, присел рядом на корточки и сказал:

-Я знаю, почему ты злился. Но ни я, ни мама твоей злости не заслужили, правда?

-Да, папа.

-Тебе было обидно, что все вокруг катаются, а ты только падаешь, и ничего не выходит, ведь так?

-Да, пап.....

-Никки, малыш. Каждый раз, когда мы делаем что-то впервые, мы ошибаемся. Учиться не стыдно. И падать не стыдно. Стыдно – обижать маму, и только. У меня тоже многое не складывалось сразу. Но знаешь, что я заметил? Когда у тебя руки трясутся от обиды и гнева, ничего не получится, сколько не старайся. Но стоит преодолеть себя и сделать ещё одну попытку – и всё станет так просто, ты сам удивишься, почему раньше не мог. Веришь?

-Конечно, верю, пап! – личико Ника просветлело, он взял отца за руку, и вместе они медленно двинулись вдоль бортика, шаг за шагом. В тот день он больше не падал.

Замерзшие пальцы выгребли все мелкие монетки из платка и тщательно пересчитали. Жестянка отправилась на место, за пазуху. А Ник вернулся, глянул на рыжего исподлобья

так сердито, как только мог, и молча положил перед ним ещё две кроны мелочью.

-Как знаешь, малец! Мне то что, деньги не мои, – пожал рыжий плечами, подал мячи и отошел к стене.

Ник проверил табурет – стоит ровно, не шатается. Снова примерился к мячу. Бросил. Есть! Вокруг начали собираться зеваки. Вторая позиция, раскинуть налипший снег сапогом, табурет. А этот мяч немного легче! Вот в чём подвох... Прицелился, бросил отрывисто, резко. Да! Вторая площадка опустела в мгновение ока. Третья точка. Крайняя, рядом с зазывалой. Не нужно смотреть на него. Встал, прицелился как следует, выдохнул. Толпа замерла, предвкушая финал. Бамс! В яблочко!!!

Пёстрые кегли разлетелись, одна из них кувыркнулась и приземлилась на сапог зазывалы. Рыжий схватился за ногу, выругался, но голос его потонул в аплодисментах. Люди поздравляли Ника и улыбались ему широко, и хлопали, и кричали. Это было так приятно! Он обернулся, выхватил из рук кислого как лимон рыжего драгоценную куклу, и вприпрыжку поскакал прочь. Кто-то успел похлопать его по плечу, а низенькая пухлощёкая торговка сунула в руку яблоко, облитое ядрено-алой карамелью.

Ошарашенный, но счастливый, Ник пошел через толпу к выходу. Ярмарочные огни остались позади, он прислонился спиной к фонарному столбу, успокаивался и оглядывался по сторонам, выискивая глазами хоть что-то знакомое: шпиль, церковный купол, набережную. Эх... Вокруг были только чужие дома без единого огонька, да величественное здание с колоннами, мимо которого Ник вышел на площадь. Что-то не давало ему покоя, мешало сосредоточиться, какой-то звук... Никки отлип от столба, окинул взглядом перекресток и увидел – чуть в стороне от входа на ярмарку, прямо на снегу, сидела девчонка и размазывала слёзы по лицу. Над ней склонились несколько мальчишек, явно постарше и покрупнее, и смеялись. Очень неприятно смеялись.

-И что ты теперь скажешь? И что ты теперь сделаешь, а? Не за кем прятаться?!

Ник не хотел – да и не умел – драться, но пройти мимо у него не было сил.

-Что вам нужно от неё? Что она сделала? – смело вошел он в круг и встал перед девчонкой.

-Уходи давай! Мы сами разберемся. – сдвинули брови хулиганы.

– Не уйду! Она же младше вас. Оставьте её в покое!

Мальчишки начали было наступать, но увидели выходящую с ярмарки шумную компанию взрослых, злобно рыкнули и ушли в темноту. Ник обернулся. Глаза у девчушки были красные и испуганные, но с губ уже сорвался вздох облегчения.

– На, держи! – и он протянул ей румяное карамельное яблоко. – Угощайся. Чего им от тебя было нужно?

– Я потеряла своего брата. Пыталась его найти, а тут они. Один из них пытался отобрать у меня игрушку, ну я его и толкнула... – скромно потупилась девочка и поспешно откусила кусочек яблока – хруп.

– Давай, вставай со снега. Замерзнешь! – Ники ухватил её за ладошку, поднял и подвел под яркий свет фонаря. Тут же из ворот выскочил парень, подбежал к ним и увёл девчонку, по-доброму выговаривая ей, куда же она запропостилась!

А Ник так и остался стоять один. Что же делать?... Часы пробили шесть. И тут ему на плечо легла тяжелая рука.

– Ты заблудился, милый? – приятный пожилой джентльмен стоял за спиной. Он был невысокий, но очень элеган-

ный. Длинное пальто с меховым воротником, белые шарф и перчатки, цилиндр. Лакированные туфли его блестели как новенькие. На локте зацепилась крюком деревянная трость. Белоснежная борода и усы не могли спрятать широкую, добрую улыбку.

Ник сам не заметил, как рассказал ему всё. Про Лиззи, которая болеет, и как он скучает по ней, и про маму, и клубнику в шоколаде, и коварный автобус, и карусель, про куклу, которую он бережно прижимал к груди и боялся выпустить хоть на секундочку. В общем, этому старичку он готов был довериться полностью.

-Ах, шоколадный магазин Глиттерсона? Знаю-знаю, он всего в паре кварталов отсюда. Пойдём, малыш, я покажу. Ты позволишь? – и джентльмен учтиво протянул ему руку.

Никки вцепился в ладонь, как в спасательный круг, и они вместе пошли размеренным шагом вниз по улице. По дороге старик расспрашивал его о семье, об их доме, о том, что бы хотелось самому Нику получить в подарок на Рождество, и какие кушанья будут украшать стол этим вечером, в общем обо всём том, о чём принято говорить с малознакомыми людьми в сочельник, идя по заснеженной улице под желтыми фонарями.

Через 15 минут они уже входили в ярко освещённый магазин, и седобородый джентльмен стряхивал с шляпы капли от мгновенно растаявшего в жаркой комнате снега. У Ника закружилась голова от тяжелого аромата шоколада, цветочных лепестков, цукатов, орехов и кофе. Внутри собралось человек 10, и все они разглядывали витрины, пробовали шоколадные капельки из маленьких коробочек, специально выставленных на прилавок, шуршали свёртками и мечтательно щурились, когда поводили носами, так приятно пахло всё вокруг. Молодая румяная продавщица шутила, отвешивая марципаны, и покачивала кудрявой головкой, доставая с дальних полок пузатые баночки джема. Но вот подошла очередь Ника.

-Клубнику в шоколаде, пожалуйста! – выпалил он на одном дыхании.

-Пожалуйста, радость моя, – расплылась в улыбке девушка и протянула атласную круглую коробку, перетянутую шёлковой лентой, – с тебя 7 фунтов и 30 пенсов, сладкий.

Никки отступил на шаг. Помотал головой. Отступил ещё. Кровь прилила к лицу, уши его горели, он не мог вымолвить ни слова. Ещё шаг. Продавщица недоумённо замерла с коробкой в руках, а наш герой развернулся и пулей вылетел на улицу, чуть не сбив с ног почтенную леди на ступенях.

Никки уткнулся лицом в кирпичную стену и горько заплакал. Ему было стыдно, но слёзы текли и текли по щекам, и не хотели останавливаться. Он не мог понять, где ошибся, как просчитался, но факт оставался фактом – его шести с половиной фунтов не хватало. Катастрофически не хватало! Дома наверняка уже хватились, и отец сейчас ищет его, и хмурится, и курит, а мама нервничает, и няня пьёт свои капли и охает беспрестанно... А он вернётся домой, и не сможет рассказать, что случилось, потому что никогда не найдёт в себе силы признаться, что потратил деньги на карусель и аттракцион, а на конфеты для МАМЫ ему не хватило...

Звякнул колокольчик над дверью. По ступенькам простукали туфли и трость. Пожилой джентльмен подошёл, погладил его по голове и спросил, что случилось.

-У меня... не... хватает... – только и мог сказать Ник, сердито натирая распухшие глаза варежкой.

-А это что? Мне кажется, ты обронил её в магазине. – с этими словами старик протянул Нику золотую гинею.

-Нет, это не моя. У меня никогда не было такой монеты, – вздохнул мальчик.

-Ну что ты, я уверен, что видел, как она выпала у тебя из

кармана, когда ты доставал деньги. – лукаво подмигнул ему старичок.

-Вы ошиблись, сэръ. Вероятно, монету потерял кто-то другой в магазине, и ищет её сейчас. Надо вернуться, и отдать её, и извиниться перед продавщицей. Я, верно, напугал её своим поведением.

-Какой честный мальчик, надо же... И принципиальный в добавок. Что ж, пойдём... – сказал он, повернулся круто и застучал по ступеням обратно.

А в магазине сделал то, чего уж никак нельзя было ожидать! Он попросил дать ему большую коробку клубники в шоколаде, а ещё варенье из розовых лепестков, и кофейные драже, арахис в меду, халву, мятных и имбирных пряников, и красно-белых полосатых леденцов. Всё это запаковали в нарядный пакет с большим бантом. Джентльмен щедро расплатился, оставив юной девушке на чай несколько фунтов, и протянул свёрток Нику.

-Держи! С Рождеством тебя, мальчик. А теперь давай поскорее доставим тебя домой.

С этими словами старичок приобнял ошарашенного Ника за плечи и вывел из магазина. Они перешли дорогу и, едва

встали на остановке, из-за поворота показался красный автобус. Он приветливо открыл свои двери, людей внутри почти не оказалось, так что Ник со старичком уселись на мягкое сиденье и проехали молча три заветных остановки, и вышли как раз у бульвара, хоть Никки боялся в глубине души опять уехать в неизвестном направлении.

Джентльмен проводил его до самой двери и позвонил в колокольчик. Сердце мальчика ушло в пятки. Только сейчас осознал он в полной мере, как сильно, наверное, волновались родители, и что ему несомненно попадёт. Он-то думал, что его не будет всего час, а прошло без малого пять! Но вот дверь отворилась, встревоженная няня Пэтти только всплеснула руками и заохала, не сказав ни слова.

-Никки!

По ступенькам лестницы сбежала мама в домашнем платье и халате, опустилась на колени прямо на заснеженном крыльце и обняла его крепко-крепко.

-Куда же ты подевался, родной?! Мы с отцом места себе не находили!

-Я объясню Вам, мадам. – вежливо обратился к ней седовласый мужчина в шляпе, – Этот юный путешественник хо-

тел приготовить для вас особый подарок на Рождество, но немного заплутал. Не переживайте, сегодня сочельник и ничего плохого с ним случиться не могло, уж я уверяю Вас. Но теперь он дома, и вас всех ожидает приятный вечер в кругу семьи. А мне пора. Позвольте откланяться!

Старик приподнял цилиндр, поклонился и пошел по садовой дорожке к калитке, беззаботно помахивая тростью и насвистывая. У ворот он оглянулся, ещё раз кивнул, улыбнулся хитро в усы и был таков.

-Ну какие подарки, чудо моё? Вот выдумал... Идём скорее, уши-то замерзли как! – и мама увлекла Ника в дом, умыла, переодела в тёплый домашний костюм, поцеловала с полсотни раз и отвела в гостиную. Там на ковре сидела Лиззи, не такая энергичная, как обычно, но весёлая и румяная. Температура ушла, и ей разрешили спуститься к праздничному ужину и встретить Рождество со всеми. Стол уже был накрыт, горели свечи и камин, а большой свёрток из магазина и куклу няня положила тихонько под ёлку.

Пора было праздновать.

В комнату внесли горячее: фаршированного гуся с яблоками, картошку и ростбиф, вся семья собралась за столом, они ели, пили шампанское или молоко, много шутили

и вспоминали прошедший год. Ник ждал, когда же отец или мать начнут ругать его, упрекать, но на лицах их не было и следа обиды и разочарования. И Ник расслабился, забыл тревоги и полностью отдался веселому рождественскому вечеру. После ужина мама играла на рояле, они с отцом пели гимны и просто забавные детские песенки, а Лиззи хлопала в ладоши, сидя на диване, и трескала печенье за обе щёки, так что вся пижама её была в крошках.

В полночь папа полез под ёлку за подарками. Маме он преподнёс красивое меховое манто и новую книгу, для Ника приготовил набор солдатиков, сестрёнке достался плюшевый бегемот, а няне уютный плед и упаковка душистого чая. Следом доставала коробочки мама. Отцу она подарила кожаное портмоне и перчатки, детям по красивому альбому со сказками, а Пэтти аж подпрыгнула, увидев огромный набор спиц, крючков и отличной шерстяной пряжи.

И вот на негнущихся ногах приблизился Никки к ёлке и сел на колени. Может, сейчас?.. Может, увидит мама подарки и скажет, что они не стоили таких тревог?.. Но нет, и мама, и папа, смотрели на него с живым любопытством. Ник потянул за ленту, свёрток раскрылся, и к ногам его рассыпался ворох ярких оберток. Вот лежит атласная коробочка с клубникой и баночка варенья. Но что это? Рядом незнакомый бархатистый мешочек с золотой завязкой, а на нем бир-

ка, и незнакомой рукой написано «МАМА». Ник протянул подарки, обнял мать и прошептал на ушко «Прости меня!».

– Спасибо, родной! – она прижалась лицом к его щеке, поцеловала и улыбнулась тепло и заботливо. Конфеты обрадовали её несказанно, а в мешочке оказались серьги с прозрачными искристыми камушками, похожими на осколки звезды.

Ник снова опустился на колени. Вот коробочка так любимых папой кофейных драже. А вот пухлый конверт из цветной фольги, и на нем чья-то заботливая рука вывела «ПАПА». Мальчик передал отцу трофеи и сразу потянулся к яркой коробочке в форме конфеты с наклейкой «ЛИЗЗИ». А к ней приложил душистые пряники и куклу. От вида белокурой красавицы сестрёнка завизжала так пронзительно, что ещё несколько минут отец хохотал и никак не мог остановиться, а у Никки звенело в ушах! Халва и полосатый пакетик с лентами отправились к няне. На полу остался ещё один свёрток, из красивой, алой с золотом, обёрточной бумаги.

Ник сел на диван и задумчиво развернул его. Внутри оказалась игрушечная лошадка, серебристо-серая, с пышными чёрными перьями на голове. И жестяная коробка леденцов. С крышки её Нику задорно подмигивал удивительно знакомый добрый седой старичок, с пушистыми усами и бело-

снежной бородой. Вот только на голове его вместо цилиндра был красный колпак с белым помпоном.